

Собеседник

Родоман Борис Борисович

Ведущий

Самодуров Юрий Вадимович

Дата записи

Беседа записана 5 апреля 2013 и опубликована 24 марта 2014.

Введение

Третья беседа с выдающимся ученым-географом Борисом Борисовичем Родоманом посвящена жизни в эвакуации в селе Колосовка Тарского района Омской области, где он оказался с матерью, тетей и двоюродным братом в конце 1942 года. Память Бориса Борисовича уникальна и избирательна; все, что произвело на него впечатление, он вспоминает и описывает в мельчайших подробностях. Будучи двенадцатилетним мальчиком, не испытывающим особенного интереса к сверстникам, но уже начавшим интересоваться сверстницами, он пережил в эвакуации самый яркий, по собственному признанию, отрезок детства. Описания простых людей, встреченных им, воспоминания об эвакуационном быте и собственном взрослении исключительно честны и начисто лишены сентиментальности. Борис Борисович подробно описывает рацион эвакуированных, свои гуляния в лесу, обучение в деревенской школе, не очень грамотных учителей, которых он ловил на ошибках, и открытия, которые городскому начитанному мальчику приносила сельская жизнь. Заканчивается беседа рассказом о возвращении семьи Родомана в Москву в октябре 1943 года.

Борис Борисович Родман: Этот период моей жизни — самая яркая часть моего детства. Самая яркая — не значит самая хорошая, не значит, что я хотел бы вернуться хотя бы на минуту к этой жизни в прошлом. Не поэтому, а потому, что просто яркие впечатления, экзотическая среда, жизнь в деревне уже не в качестве дачника, а в более тесном общении с местными жителями, и с другой стороны — это большая экзотика по сравнению не только с Москвой, но даже с жизнью в Омске.

Переезд из Омска в село Колосовка

Итак, в начале октября 1942 года — или в конце сентября — мы на пароходе прибываем в город Тара, это на севере нынешней Омской области. Тогдашняя Омская область простиралась до Северного Ледовитого океана. Нынешняя Омская область маленькая. Ее северной половиной был Тарский округ, но в то время, когда мы приехали в Тару, она уже не была окружным центром, она была одним из многих районных центров, но оставалась центром узлового района, и к ней тяготела вся северная половина нынешней Омской области. Тогда это был ее крохотный кусок, потому что область была гигантских размеров.

Название свое город Тара получил от реки. Есть река Тара, но устье этой реки находится от города далеко. Река эта течет с востока, из Новосибирской области, так что она почти никакого отношения к этому городу сейчас не имеет. Город Тара находится на левом берегу Иртыша, он стоит на холмах. Ну, холмами там считаются только высокие коренные берега долины, не более того. Никаких других гор и холмов в Западной Сибири (кроме относительно высокого коренного берега долины, возвышающегося над поймой) нет и быть не может.

И вот вышли мы с пристани, с дебаркадера. Я не помню, кто наш багаж вез, мы не могли его тащить, конечно, на себе. Видимо, на какой-то телеге его отвезли отдельно, или на грузовике. Но мы шли пешком.

” Первое мое впечатление было — ужасная, черная грязь. И тут же у меня такое теоретическое представление сформировалось, что грязь бывает двух типов: отнимающая у тебя обувь и налипающая на нее.

Если налипающая, то может и пять килограммов налипнуть. Я сейчас не могу вспомнить, что за обувь была на мне. По-видимому, сверху были галоши, без галош тогда люди не жили. Это были, конечно, не сапоги, и, видимо, в галошах у меня были все-таки не валенки, а ботинки. Видимо, я не в носках ходил в галошах, как туркмены обычно ходят — галоши поверх носков.

В общем, я помню, что эта ужасная грязь все время отнимала у меня галоши, все время галоши оставались в грязи. И так вот по этой черной грязи мы поднялись на гору. Город мне понравился. Он показался мне достаточно живописным. Там были красивые деревянные дома, как водится на севере и в Сибири, не обязательно одноэтажные. Много двухэтажных изб. Один из этих двухэтажных бревенчатых домов был гостиницей, в которой мы остановились.

Нам предстояло ехать до села Колосовка, куда назначили на службу мою тетку. До Колосовки было по автодороге сорок километров. Нам предстояло ехать сорок километров на грузовой машине в село Колосовка из Тары, но эти сорок километров мы не смогли проехать сразу, потому что началась осенняя распутица. Когда в последние годы я смотрел какой-то русский перевод англоязычного словаря по географии, я нашел там тринадцать слов, заимствованных из русского языка без перевода. Это «спутник», «колхоз» и «распутица». Там было немножко неправильно написано, что распутица — это такое время года в России. Это неверно, это не время года, это состояние. Конечно, оно больше всего связано с осенью и весной, но не обязательно. И вот это была осенняя распутица. И вот мы в городе Тара, в гостинице ждали, когда подмерзнет грунт, — семнадцать дней! Вот какие тогда были темпы передвижения. Я думаю, что сейчас туда автодороги с твердым покрытием проведены. Я думаю,

что сейчас из Омска до Колосовки (расстояние километров двести восемьдесят по автодорогам или триста) можно доехать за четыре-пять часов на автобусе. Тогда ничего такого не было, конечно, никаких автобусов. А на пароходе мы ехали сутки. Река извилистая. Если напрямик, то, может быть, километров двести пятьдесят по глобусу будет от центра Омска до села Колосовка, но ехали мы сутки на теплоходе по реке. Восемнадцать дней в сумме.

Это был очень приятный, на мой взгляд, город. Красивые деревянные дома, добротные, сибирские.

На нижнем этаже гостиницы — полуподвальная пивная. Очень много пива там люди пили. Может быть, потому, что пивоваренный завод был. У меня создалось такое впечатление, что мужики напиваются пивом, а не водкой. Пива там было очень много, раздавались песни из пивной всю ночь.

Юрий Вадимович Самодуров: И что, каждый день так? Вы же там семнадцать дней жили.

Б.Р.: Да, у меня создалось такое впечатление. Почему бы нет? Дальше, на высокой части города была площадка, там был рынок. Там мне запомнились два товара: брюква и репа. Мне казалось, и сейчас я не успел проверить в Интернете, что брюква белая, а репа оранжевая. Это так? По вкусу они мало отличались, но они были вкусные, и это был главный продукт питания там. Это еще идет из древнерусских времен, когда-то же не было в нашей стране картофеля. Что же люди ели? Репу и горох. Они вместе взятые заменяли им, видимо, то, что они потом стали получать от картофеля. Так что все время вот это вот: пиво и брюква с репой...

Дальше — светлый момент в нашей жизни. На один раз нам дали талоны на посещение столовой райкома партии. Тетка у меня все-таки партийный немного работник. Я не сказал бы, что мы там каждый день питались. Видимо, в качестве подарка нам это дали. Это на меня произвело ошеломляющее впечатление.

” Во время войны начальство номенклатурное себя не обижало. Они кушали хорошо. Я еще лет десять назад помнил меню этого обеда.

Сейчас, к сожалению, не помню, но у меня есть материалы в дневниках, все записано. Сейчас копаться некогда, я только помню, что среди дичи, которую мы там ели, был тетерев. Наверное, там были компоты из лесных ягод, в общем, нормальный обед, хороший. Но дичь там главная была. Столовая очень милая: небольшая комната, в ней один или два стола на четыре места. Вот мы своей семьей заняли один из этих столов. Вкусный суп, и все хорошо. Такие вещи в такое не полуголодное, но недоедливое время военное надолго запоминаются.

И наконец, семнадцать дней прошли, мороз ударил, сковал льдом грунт, и мы поехали, на грузовой машине. Как всегда в таких случаях, и вещи, и люди сидели наверху. В кабине мужик тоже сидел. Я в кабине не сидел. Наверху были лавочки. Нас четверо ехало и еще, как бы это назвать, две девки или девушки деревенские (очень деревенские) ехали с нами. То есть нас было там шестеро. И вот эти девушки, оказывается, ехали с курсов к себе домой как бы на каникулы или на праздники. Они были деревенские из Колосовки. И их послали оттуда учиться на машинистов паровозных, чтобы они паровозы водили. Понимаете, как в СССР интересно было. Очень любили, чтобы женщина вдруг стала сталеваром или шахтером. А они в детстве росли, ведь они не видели железной дороги никогда, никогда в ней не нуждались. Разве что только в кино. Вот их из этой деревенской среды завербовали, послали. Они учились даже не на помощников машинистов, а, по-моему, на машинистов. Это, конечно, было дико, мне казалось очень странным. Вот эти две девушки, не знаю, сколько было им лет, очень простые, деревенские. Ну, едем мы на машине долго. Ведь эти сорок километров мы не час, не два ехали, гораздо дольше, ведь это грунтовая дорога, хотя и подмерзшая. Долго ехали. А девушки стесняются попросить шофера, чтобы машину остановил. Это же известная история. Ведь в то время люди были очень стеснительные, а во время депортации чеченские девушки погибали в товарных вагонах, потому что не могли делать при других людях, а что же тут делать? И вот они все стесняются и стесняются, с мамой моей обсуждают этот вопрос. При мне, но при мне никто не стесняется. И вот так мы едем и вдруг,

в конце концов, одна из девиц не выдержала, и ее моча залила все наши вещи, и лужа образовалась прямо в грузовике. После этого, конечно, грузовик остановили, достали тряпки и стали все это вытирать. Вот такая дикая история.

Приехали мы в село Колосовка, село большое — это районный центр. Сейчас, на начало века там пять тысяч жителей, я думаю, и тогда было не меньше. Видимо, численность населения там не уменьшилась, могло быть и больше жителей: это районный центр. Расположен он в зоне как бы северной лесостепи или мелколиственных лесов, это одно и то же. Если вы представляете себе типичную западносибирскую низменность, то там преобладает открытое, необлесенное пространство, но на понижении там рощицы такие, колки березовые. Понятно, да? Известно вам, Юра, это?

Ю.С.: Да.

Б.Р.: Вы представляете эти колки?

Ю.С.: Да, более или менее.

Б.Р.: Если вы где-то на широте Омска или Петропавловска, то там они островами, но чем дальше к северу, тем эти колки все больше и больше, и постепенно уже становится их больше, чем необлесенных пространств. Вот там, где мы были, в Колосовке, там, возможно, было пополам. И очень причудливая такая картина: если южнее леса — это острова лесов среди полей, то тут поля как бы острова или пополам. Это очень причудливые очертания, надо только нарисовать. Лес только из березы и осины. Есть примесь еще какого-то лиственного дерева, но они все единичны. Никаких хвойных. Поэтому там у меня главное чувство было — тоска по хвойным, я их не видел практически всю зиму, за исключением одной пышной елки, которая росла на участке или перед домом одного крестьянина. В деревне была одна пихта или елка. А в Таре их было полно, в Таре эти пихты или елки стояли на улице и очень украшали городишко.

И вот Колосовка. На севере, на северной стороне деревни, рядом с полями, стояло здание, которое называлось... Да, еще я не сказал...

Наш грузовик, который нас привез, он был газогенераторным. Он не на бензине работал, он дровами отапливался. Дрова эти назывались чурки. Вы сталкивались с этим когда-нибудь? Нет? Надо было подкладывать в газогенератор все время дрова в виде чурок. А чурки — это были такие кубики из дерева, мелкие очень. Они были заранее напилены, нарублены.

Ю.С.: Надо было останавливаться?

Б.Р.: Конечно останавливаться. И машина по размеру была меньше нынешних грузовиков. Сейчас что-то открытых грузовиков вообще нигде нету, отказались от них, что ли?

Ю.С.: Нет, очень много.

Быт в Колосовке

Б.Р.: Много? Ну если что-то наваливать, насыпать, а чтобы люди ездили... Ну ладно. В общем, приехали в Колосовку. На севере этого села стояло здание, которое называлось общежитие. В отличие от всех остальных обыкновенных изб, это называлось общежитие. На самом деле это был продолговатый дом, который состоял из четырех квартир. Та квартира, в которую нас поселили, сразу же стала коммунальной, потому что нас поселили к людям, которые там уже жили. Во время войны с этим не церемонились: к любому человеку могли вселить кого угодно в качестве временного жителя.

Через село протекала, около него, река Оша. Судходного значения она не имела. Я мало с ней сталкивался. Когда лед пробился, помню, что я ходил по льду, не по реке, а по озерам маленьким. Рисковал, конечно, провалиться и утонуть, потому что, мне кажется, только-только ведь замерзло, и без родителей, то есть без мамы, я свободно гулял по окрестностям, сколько хотел.

И вот это здание, четыре квартиры, четыре крыльца. И фамилии, как мы называли хозяек: Строчица, Курилица, Турчица и Любимица. Первые были Строгины, вторые — Куриловы, третьи — Туркины и четвертые — Любимовы. Я это как стих все время напевал: Строчица, Курилица, Турчица, Любимица. Нас вселили, значит, к Строчице. Это была молодая женщина, очень даже молодая, лет двадцати, с мужем, которая рожала при нас и до нас родила уже второго ребенка, по-моему. Это типовая квартира, она состояла из трех комнат. Одна, которая побольше, осталась за хозяевами, там они и жили. Ну, не хозяйка, казенный дом, видимо от колхоза, для колхозных служащих. Остальные две комнаты, одна ближе к кухне, а другая уже за нею, за проходной, — это была наша. С мамой я жил в комнате метров шесть по площади, а тетя Марфа с сыном в проходной, по площади метров десять. Стены были побелены, просто побелены. Пол деревянный, дощатый. Стояла русская печь на кухне. Блюдо, которое они ели, самое распространенное, называлось картошник. То есть это мятый картофель, не до состояния пюре, но мятый, залитый молоком, если возможно, каким-то маслом, поджарен и все. Вкусно, есть можно, если со сметаной еще... Чем питались? Картофель, сметана, молоко, черный хлеб и какие-то мясные продукты в виде исключения, но я о них скажу позже.

Свиньи бегали по двору. Я еще занимался тем, что свиней отгонял, я бил их оглоблей. Свиньи бегали везде свободно. Это была как бы свободная застройка. Наше общежитие было окружено: рядом с ним параллельно располагалась линия сараев и нужников, то есть уборных, а так каких-то примыкающих домов не было. Дальше, за нужниками, уже поля. Рядом школа.

Ю.С.: Забора вокруг не было

Учеба в сельской школе

Б.Р.: Нет. Где-то, может быть, заборы были. Я не помню высоких заборов в этой деревне, не помню, видимо, в них не было необходимости. А вокруг нас был простор. С юга вообще площадь или пустырь, можно сказать, улица. К западу не помню что, тоже простор. К востоку, в пятидесяти метрах, здание начальной школы, где я учился. Здесь мне не пришлось тоже пальто в школу носить. Шапку только надевал. Также пробегал. Тут уже пятьдесят метров. Если в Омске метров сто пятьдесят было до школы, которые я пробегал без пальто, то здесь всего пятьдесят. Рядом находилась школа: добротное одноэтажное здание. Я поступил туда в четвертый класс, дело было уже в конце октября.

” Тогда обучение было ступенчатым, и первые четыре класса — это начальная школа. То есть все ступени школы были устроены таким образом, чтобы дать человеку более или менее законченное образование, но на каком-то уровне.

Четырехлетняя школа давала человеку комплексное законченное образование, но на элементарном уровне: мы научились читать, писать, считать, а также сведения об окружающем мире. Там не было истории и географии, но было естествознание. Я не знаю, как сейчас, но курс естествознания давал представление об окружающем мире: о том, что Земля шарообразна, о том, что она окружена космосом, что она вращается вокруг Солнца, — это все было сказано. Из географических карт был и атлас географический, там были рисунки Земли, планет. В общем, атлас этот у меня сохранился, он за спиной в шкафу — долго рыться. Там была главная карта мира в виде полушарий и карта СССР. Карта СССР физическая, на ней Москва была изображена, с гипсометрической раскраской. Короче говоря, если человек усваивает 100 % того, чему его учат в четырех классах школы, это совсем не плохо. Но таких людей мало. Я о себе могу сказать точно: я на 100 % все это усвоил, и не от учителей, а из учебников. У нас был один учитель, как положено. Учитель этот был серый человек. Он был недостаточно стар, следовательно, он был поколения не гимназистов. Потому что учителя среднего и пожилого возраста в годы моего детства — это были интеллигентные люди, окончившие дореволюционные гимназии, хотя

гимназии Сибири, может быть, даже уездного центра, но все-таки гимназии. Этот человек был не очень грамотный, и, конечно, он был смущен моим присутствием, потому что я позволял себе разные высказывания в адрес учителя, и мне он казался тоже недостаточно грамотным: если я что-то знал лучше него, я поправлял, и ему это, конечно, не нравилось. О детях я могу сказать так: ничего я конкретно о них не запомнил. Была одна девочка, я уже забыл, как ее зовут, на которую я положил глаз, но опять же ни с кем из них, в том числе с этой девочкой, я вне школы не общался. Я, видимо, не нуждался особенно в них. У меня под боком был двоюродный брат, какое-то общение, книги, какие-то соседи были. Я пользовался каждым случаем, чтобы не ходить в эту школу, чтобы ее прогулять, это, естественно, никак не отразилось на моей успеваемости. Учебники я, как правило, все прочитывал сначала. Так было в младших классах. В старших классах, когда была химия и математика, там дело другое. Потому что ты посмотришь учебник алгебры заранее, и ничего это тебе не даст. А тут эти все учебники, я их любил, и географические атласы... То есть, короче говоря, школа мне ничего не дала в смысле учебы и информации. Я старался туда ходить пореже. А чтобы не ходить, нужно было (так же, как в Москве и Омске) то ли записку от родителей, то ли устно просто передать «живот болел», «голова болела». Вот чередовалось то живот, то голова. На самом деле ничего у меня не болело, но не хотелось ходить. Вот так.

Школ было у нас две. Ближайшая школа была начальная, а подальше, в центре села, — средняя школа, полная, с десятилеткой. Там были очень интеллигентные учителя. По-моему, у директора там тоже, если у меня не произошло какого-то смещения в памяти, естественного в моем возрасте, по-моему, ее тоже была фамилия Колосовская, этого директора. Это была директриса интеллигентная, говорила она хорошим, правильным русским языком. В той школе преподавали английский язык. Это тогда была редкость. Тогда, как правило, преподавали в школах немецкий язык, на втором месте стоял французский, английский реже. Ведь, как вы знаете, мы изучали язык будущего врага, с которым Россия будет воевать, но представление о том, с кем мы будем воевать, всегда запаздывающее, поэтому мы изучали немецкий язык и продолжали его изучать и после окончания войны с Германией, хотя надо было тогда начинать изучать английский. Потом все стали изучать английский, как язык будущего врага.

Из других заведений я еще помню столовую. Я не могу сказать, что мы регулярно питались в столовой. Не знаю, по каким-то талонам или нет, но однажды или несколько раз мы в столовой ели. Чем это было интересно? Мы там ели зайцев и куропаток, потому что эта дичь была вокруг, всегда ее просто поставляли в столовую: кто-то настреляет, принесет — это нормально. Зайцы, куропатки были главным источником мяса для нас. Потом там еще подавали, я не знаю, как это называется (это не очень нравилось), кисель из овощей. Мы же привыкли кисель из ягод. Вот этот кисель, в котором морковь... ну, я не могу сказать, чтобы картофель, но морковь или репа плавают вареная, это как-то не очень нравилось мне.

Ну и наконец я выбрался погулять в лес, в эти лиственные леса. Конечно, у меня к ним чувства были двойственные. Они очень однообразные, скучные, и очень трудно ориентироваться в них, потому что такие совершенно причудливые овалы очертания лесов чередуются с полями. Поля покрыты кочками все.

” В лесу лежат какие-то орешки в огромном количестве, все круглые, твердые. Я их набрал целый мешок, принес домой. Оказалось что это заячий помет, можно представить, сколько зайцев...

Это была северная лесостепь, или зона мелколиственных лесов, потому что для лесостепи уже слишком много лесов. Я примерно знал по географическому атласу, что совсем рядом с нами начинается зона тайги, чуть севернее уже будут хвойные деревья, и мне так хотелось дойти до этой зоны. Но я вряд ли дальше пяти километров на север отходил. Потом была опасность заблудиться, никаких деревьев не было на этом пути моем к северу. Там же большие села, но расположены редко, и можно заблудиться. Компас у меня был, а может быть, еще не был, я не помню, и никаких ориентиров. И мне казалось, что еще несколько шагов я пройду и увижу наконец хвойные деревья, уже начнется зона тайги — но нет... Так что

тоска по хвойным деревьям, а также по какому-нибудь рельефу, потому что там очень было плоско, у меня была.

В школе я еще что помню... Класс у нас как класс, сидели за партами, но самым притягательным местом у нас была печка. Я не скажу, чтоб нам было там холодно, но за сорок пять минут сидения дети немножко замерзали. Они, конечно, в валенках, мы все в валенках сидели в школе. Но я не могу сказать, что были одеты, наверное, на мне были какие-то рубашки или свитер, хотя настоящего шерстяного свитера у меня не было, и пальто тоже на мне не было, я без пальто бегал. Значит, там нормальная температура была, но немного прохладно. Когда объявлялась перемена, многие или все кидались к печке. И тут начиналась борьба за место у печки. К печке надо было прислониться спиной, чтобы ощутить тепло.

Ю.С.: А тетради, бумага была, чтобы писать?

Б.Р.: Да, это очень хороший вопрос. С этим обстояло дело плохо. Бумаги новой нам не давали, поэтому использовались газеты старые. Учителя принимали эти тетради. Просто поверх этих газет ты пишешь своими чернилами. Журналы, у кого что было.

Ю.С.: А учебники были?

Б.Р.: Учебники были, хорошо напечатанные. Они иногда были подержанные, они же еще до войны напечатаны. С этим обстояло все хорошо.

Ю.С.: Учебники в школе давали?

Б.Р.: Да, давали в школе, потом мы их возвращали. Какая-то часть учебников у меня оставались, и где-то они сейчас у меня есть. С учебниками было все нормально.

” Я не могу сказать, что в школе меня дразнили. Хотя одно прозвище у меня все-таки было. Дело в том, что когда я гулял по деревне, каждый встретивший меня мужик спрашивал: «Ты чей?» Мне это было очень странно. Я отвечал: «Сам свой!» Поэтому у меня возникло прозвище «Сам свой». Ну, прозвище, конечно, не обидное.

Условия сельской жизни. Знакомство с матом

Самым ужасным сооружением, с которым бы современный человек никогда не примирился, было то, что сейчас называют туалетом, и что никоим образом не заслуживает такого названия — «уборная» или «нужник». Ведь это же зима, и все ходят туда зимой. И взрослый человек при любом морозе выходит на двор. Тогда это было естественно, но сейчас воспринимается с ужасом. А ведь то, что там замерзает... А что вы пожимаете плечами, разве вам это не знакомо?

Ю.С.: Я это воспринимаю нормально.

Б.Р.: Ну вот и хорошо. Я тоже раньше воспринимал нормально, но сейчас уже нет. И это все замерзает, и образуется такой пик, такой конус, и нужно на него взбираться. Конечно, я пользовался горшком, но на двенадцатом году жизни горшок — это уже как-то тоже неудобно. Ну, брат помоложе. Конечно, я и моя мама не пользовались этим обледенелым нужником, а просто ходили в поле рядом с домом, за домами. В поле, когда уже зима, снег, прокапывалась тропинка, и там, в конце нее... И вот, бывало, едет мимо мужик на телеге и говорит: «Бог в помощь». Когда ты сидишь на корточках, или моя мама, например. А мужик проезжает, говорит: «Бог в помощь».

Ну, теперь из таких физиологических особенностей деревни. Незадолго до нас (это мне известно, конечно, по рассказам, я свидетелем этого не был) наша молодая хозяйка Манька, которой было лет девятнадцать,

вряд ли больше, родила, кажется, второго ребенка, или первого, я уже не помню, родила девочку по имени Галька. Рожала она в коровнике, где работала. Нам говорили, что для сельского жителя это нормально: баба на сенокосе родила, пуповину перегрызла, ребенка положила и продолжает работать. Ну, ребенка во что-то завернули. Здесь это все описывалось со вкусом и с весельем: она стоя родила ребенка в коровнике, и пуповина не была отрезана. Она пошла, раздвигая ноги, а ребенка несли сопровождавшие люди между ее ног. Так она доковыляла до дома. Там уже какое-то родовспоможение было. И вот родила она эту Гальку. При нас эта Галька была грудным ребенком, но так как ее уже, видимо, учили говорить... Дети когда начинают говорить, в каком возрасте?

Ю.С.: По-разному...

Б.Р.: Ну как, в год, что ли?

Ю.С.: Года в два, бывает, в три с половиной...

Б.Р.: Не говорить, а просто вякать отдельные слова какие-то. Нет, ей было не больше, чем полтора. И вот эта девочка голая, грязная... Ну не грязная, но голая, по полу же ползает, а пол всегда грязный, козявки какие-то, мухи, она их в рот берет, естественно. По нашим комнатам она тоже ползает, голая такая, маленькая девочка...

Ю.С.: А половики были на полу?

Б.Р.: Не было в наших комнатах. В их комнатах не помню, не заходил. Половики — это лишняя пыль только. И какает жидким, она же ест растительную пищу. За ней убирают со смехом. Вот она ползает... Вот такое у меня отношение к народу — смесь жалости с брезгливостью. Меня это очень занимало и волновало. Потом ее учат говорить. И вот собираются мужики вокруг и учат ее матерным словам. Мы опять возвращаемся к теме мата. Вот тут на меня прямо нахлынула эта стихия мата: там матерились все. Но я протестую против того, когда мат называют руганью. Дело в том, что он употребляется в качестве ругани не намного чаще, чем многие другие слова. Это просто народные наименования некоторых частей тела.

” Я не понимаю, почему народные простые наименования каких-то частей тела должны считаться сами по себе неприличными и бранными. А разве те, которые нам навязывает культура, медицинские и другие наименования, разве они не нелепы?

Наименование, скажем, женского органа среднего рода в русском языке... это все смешно и дико, поэтому неправильно так говорить. Но я не берусь об этом рассуждать, у нас теперь это все исследовано лингвистами. Но я скажу, что меня эта тема заинтересовала. Я сразу же изучил все эти матерные слова, потом убедился от своей мамы, что они ей тоже знакомы. Никогда, конечно, она ничего мне об этом не говорила. Значит, с мамой я тоже это стал обсуждать. Я их ранжировал по степени пристойности, классифицировать пытался, всякие производные от них слова... У меня был всегда интерес к языку. Я обнаружил, что и учителя в школе тоже матерились, не исключая и нашего учителя, то есть тут уже интеллигентности не было. Но я думаю, что директор школы не материлась. Той, большой школы — конечно нет. Это, может быть, одна из немногих. А так все остальные. Мы — нет, мы не употребляли этих слов в качестве ругательств никогда.

Чтение книг, игры с младшим братом

Чем я занимался? Я выходил на улицы гулять. Я читал книги. И вот про меня как-то мама сказала, что мальчик читает книги запоем, но это неправда. Я не читал книги запоем, я прочитал не так уж много книг, но я их читал с чувством, с толком, с расстановкой и не беспрерывно. Я, прочитав что-нибудь,

откладывал и начинал обдумывать. Поэтому для меня все книги, включая так называемую художественную литературу, прежде всего были материалом для обдумывания. То есть, прочитав что-то, я представлял себе тот мир, о котором я прочитал. Потом этот прочитанный я в свой мир переселял. У меня свой параллельный мир был, где я был Великим волшебником или королем. И все это я очень хорошо усваивал таким образом. Я за эту зиму помню, какие книги читал. Я уже заканчивал чтение, точнее говоря, изучение и освоение однотомника Мопассана, к которому возвращался много раз. Не просто так, что я прочитал и отложил. Там новеллы я все прочитал. Что касается романов — не всё было мне достаточно интересно. Я очень хорошо изучил роман «Милый друг». Почему? Потому что главным героем этого романа для меня был не Дюруа, а Париж как город. Он вошел в мою жизнь с тех пор. Поэтому меня очень интересовала вся эта инфраструктура, все эти фиакры, пневматическая почта, вот эти все детали, не только из этого романа, но и из других произведений Мопассана. У Мопассана был еще замечательный рассказ «Пышка», он занимал особое в нашей жизни место, поскольку входил в репертуар моего отца как чтеца и значился в афише: «Ги де Мопассан — „Пышка“». Причем на старых афишах еще писали «Гюи де Мопассан». В то время это звучало, антинемецкая направленность этого рассказа, она в советское время сыграла свою роль. Дальше я прочитал книгу Яна «Нашествие Батый». Возможно, сейчас она называется как-то иначе, но мне она запомнилась именно под этим заглавием.

Ю.С.: Сейчас, наверное, просто «Батый».

Б.Р.: Да, скорее всего «Батый», а там почему-то «Нашествие...» А почему так оно изменилось вдруг? Конечно, это я тоже усвоил.

И наконец, там я прочитал в академическом издании, то есть в подробном, «Робинзон Крузо». Причем, что я сейчас хочу отметить, был же еще второй том — путешествие Робинзона Крузо через Сибирь. Я думаю, что Даниель Дефо, в данном случае, решил, что после того как он стал известен и колоссальным успехом пользовался его роман про Робинзона Крузо, решил продолжить свою литературную деятельность. Он поступил подобно нашему Солженицыну, который не удовольствовался тем успехом, которое его основное произведение дало, а решил продолжать свою писательскую деятельность. Его имя уже позволяло ему дальше это делать. И он написал, по сути дела, по каким-то компилятивным источникам информации путешествие Робинзона через Сибирь в конце XVII века, когда мало кто что знал об этой стране. Да и при чем тут Робинзон, он вообще не путешественник. Но Робинзон же обогатился: пока он был на острове, проценты его вклада росли где-то в Бразилии, поэтому он вернулся очень богатым человеком. Ну понадобилось Даниелю Дефо сочинить эту, в общем, самую слабую часть своего романа... Но мне-то что, к чему я это говорю? А потому, что там описывается, как они проезжали через Восточную Сибирь, но там даже не поймешь: Байкал, не Байкал, о нем ничего не знали. И там были тунгусские идолы: Шал-Исар и Чам-Чи-Тонгу. И были какие-то картинки с изображениями этих ужасных идолов. Поэтому я решил, что этим идолам мы будем поклоняться, сейчас установим религию для младшего брата. Дело в том, что мой маленький брат Юра был существом, над которым я доминировал. Но это мягко говоря. Я могу сказать, что я немного над ним издевался, потребность доминировать, потребность власти, в моей жизни я был в этом всегда ограничен, у меня никогда не было младшего существа, никого. У меня не было сестренки, которую можно было бы любить, хотя не факт, что я бы над ней тоже не издевался. Не знаю, что бы из этого получилось. Но вот у меня был под боком мальчик в моей семье. Естественно, что я над ним доминировал. Я его пугал этими идолами. Я изображал... Мы освещались с помощью коптилок. Коптилки — это были такие аптечные бутылочки, наполненные керосином. В них опускался фитиль самодельный, просто лента из тряпок, и они зажимались зажимом металлическим, похожим на зажим для белья. Он ставился на горлышко бутылки, фитиль располагался выше зажима, и они давали копоть. Но освещали: одной-двух коптилок достаточно было, чтобы книги читать, в том числе мелким шрифтом написанные. И вот я своего брата таким образом пугал: я изображал тень этого идола, а брат как положено вел себя. Если нужно было плакать, он плакал, изображал ужас. Вот такая игра. Но потом я пугал его еще вот чем. У нас вокруг деревни располагались скотомогильники, там были гигантские залежи костей скота. Можно было прийти туда, еще если снег не лежал в большом количестве, и играть этими костями, черепами. Сколько черепов коровьих там лежало! Я доставал коровий череп, показывал своему брату и говорил: «Куси, куси, волк!» —

и он от меня бежал и рыдал. Я помню, что слезы его были, может быть, в какой-то степени притворные. Но кто знает, может быть, я этими своими играми немножко подорвал психику своего младшего брата, могло так быть? Потому что вырос он человеком не совсем нормальным. Он сейчас еще жив, он 1937 года рождения. Ненормальность его состояла в том, что он, видимо, все понимал буквально. И нравственность, и вообще все он понимал очень даже буквально. Он как сын тетки с хорошей анкетой и старой большевички, без проблем со своим средним техническим образованием был устроен на хорошую работу в почтовый ящик, который находился в восточной части Москвы, около метро «Семеновская».

Что там делали, не знаю. Готовились к уничтожению человечества с помощью средств массового уничтожения, чем наше государство занималось в основном.

И он там работал очень хорошо. Но беда его была в том, что он работал слишком хорошо, и он требовал этого от своих сослуживцев. Ведь как люди работали в почтовых ящиках: они, боясь туда опоздать, заранее приходили, получали пропуск, ключи, запирались на своем этаже, играли в домино, в карты и говорили о бабах целый день. А он этого не выносил. И вот он требовал от своих сослуживцев по комнате, чтобы они работали, а не занимались чёрт-те чем. Он требовал от них, не будучи их начальником. Ну, скажите, Юра, разве это нормально? Нет. И они сдали его в психушку. А его мама, тетя Марфа, она в это сразу поверила. И после того как он побывал в психушке — все, для него работа в ВПК была закрыта. Ему пришлось работать в мастерской ремонта телевизоров, где его очень высоко ценили. Его хобби — это радио, радиотехника. Там он и продолжал работать. А в психушке сестры в него влюблялись. И любовник этой тети Марфы, когда она была директором совхоза под Москвой, своих дочерей ему в постель клал, моему брату Юре, чтобы его окрутить, чтобы они стали москвичками, эти девушки из Коломенского района. Нет, он сказал: «Без любви я не буду!» — и остался девственником на всю жизнь. И сейчас он человек одинокий, живет один в квартире, ничьей помощи не принимает, у него практически нет ни мебели, ни домашнего белья, он ходит на лыжах, играет в шашки, и радиолюбитель он. В общем, живет твердо, не лечится ни от чего. Сказал, что надеется только на свои силы. Я его уважаю. Так что вырос вот такой мальчик.

Вот, возвращаемся, значит, к этим играм. Мы также с ним ходили на лыжах. Лыжи я там освоил под конец только. Кончалась уже зима, конец зимы, он же солнечный. Это были простые лыжи: валенки и крепления из ремней, ничего больше, никаких специальных креплений. А палки просто березовые, сам спилил, вырубил. И вот так мы ходили довольно долго с ним на лыжах.

Источники сексуального просвещения

Эта зима была временем моего сексуального просвещения. Мне уже шел двенадцатый год, и все это во мне просыпалось. Тут я уже начал, собственно, понимать — только на двенадцатом году жизни, и то не до конца. До конца мне многое было неясно. Потому что каких-то источников в виде мальчишек, которые бы мне рассказали, не было вокруг меня. Я уже говорил, что у меня не было друзей среди местных мальчишек, а о девочках уже говорить не приходится. Поэтому источники моего сексуального просвещения были следующие: первое — это художественная литература. Но художественная литература, как вы знаете, она этот вопрос обходила, русская художественная литература обходила полностью, а в художественной литературе переводной советскому читателю можно было ознакомиться с такими словами, как «любовница» и «проститутка». В нашей литературе и это доступно мне не было. Ну, Мопассан, еще что-то. «Любовница», «проститутка», выражение «ты с ней спал» — только вот такие скудные источники. Ну, любовные истории разные... Да, у Мопассана есть кое-что. Рассказ «Сабо», про эти деревянные башмаки. Знаешь, да? Просто девушка пришла, уже с большим животом, не понимает, что с ней произошло. Ну, в общем, тупая деревенская девушка. Она была служанкой у хозяина. Вот ее спрашивают в приличных выражениях, что у нее с ним было, она даже не может объяснить,

она тупа, не понимает, что спрашивают. Она говорит, что да, ну вот в одной комнате вы ночевали или нет, спрашивают, с хозяином. А сабо — это деревянные ботинки. Ну, тогда у нее спрашивают: «А не ставили ли вы вечером рядом свои сабо, когда ложились спать?» Она отвечает: «Да, ставили». Ну вот таким образом. Когда читаешь это в детстве, все прекрасно запоминается. Первый источник — слабый.

” **Второй источник — словарь-справочник по животноводству. Ведь моя тетка как-никак была зоотехником, хотя и кабинетным.**

Я не помню такого, чтобы она непосредственно с животными общалась. Такого не помню. При ней всегда был портфель и бумаги. Ну, обычно в советское время сельское хозяйство так и управлялось. И вот там кое-что можно было почерпнуть. Кое-что... Ну опять же, не все было ясно, но многое, в общем. Во всяком случае, искусственное осеменение, бык, корова, станок случной. Представляете, о чем я говорю? Случной станок... Ну как, быка же обманывают. Во-первых, есть случной станок, где бык покрывает корову. Ее ставят в станок. А еще у быка же нужно сперму забрать для оплодотворения других коров. Бык несчастный, он же ничего не понимает. Вот стоит корова в случном станке, готовая, у нее течка. Бык на нее забирается, а тут зоотехник (которым часто является девушка; и не только часто, а как правило; мой друг Левинтов написал много порнографических рассказов на эту тему). Тут бык, понимаешь, собирается вставить эту свою штуку в корову, но тут эта самая девушка-зоотехник подхватывает его пенис и подставляет ему пробирку. Описания всех этих вещей мне по словарю-справочнику по животноводству в детстве уже были известны. Тут уже недолго методом экстраполяции перейти к людям.

Третий источник — это на улице свиньи и собаки. Тут уже видно было совокупление свиней и собак на улице. Они это делали публично, вокруг собирались мальчишки, смотрели на это дело, как это все выглядит, очень интересно. Для деревни это тоже яркое зрелище.

И наконец, четвертое. Была у нас там такая девушка шестнадцати лет, Маруся Лилль, поэтому я называл ее «цветок среди навоза», потому что «лиль» по-эстонски значит цветок. Эстонского происхождения деревенская девка. Вот она с моей мамой советовалась. У нее там начиналась половая жизнь, она с парнями встречалась. С моей мамой как со старшей женщиной она советовалась. Это все при мне обсуждалось, я свои слова тоже вставлял, она хихикала.

Такие вот источники, так во мне это все пробуждалось. Но я хочу сказать, что, конечно, все это я представлял себе туманно.

Новая военная форма и знаки различия

Теперь, так сказать, немного об общественно-политической обстановке. В конце 1942 года немцы наступали на Кавказ. Это вызывало, конечно, какую-то тревогу, мы за этим следили. Но все равно, как я говорил, у нас почему-то не было сомнений, что наша страна победит гитлеровскую Германию и мы нормально вернемся в Москву. Как я вам уже сказал в прошлый раз, это был результат хорошей пропаганды.

В конце 1942 года интересное событие. Газеты же к нам приходили, большие газеты. Изменилась форма Красной Армии. Введены погоны: золотые погоны для боевых офицеров, а для интендантских — серебряные. Куда делись? Сейчас я никаких таких интендантских не вижу. Их отменили, да? А тогда были. Интендантские — серебряные, а те золотые. Опять слово «офицер», «золотопогонник» — опять к нам возвращается. Это было в диковинку. Мне это было, конечно, очень интересно. Я все это сразу же изучил, газету эту я сохранил, я все эти погоны стал рисовать, они очень красивые. А вот прежние знаки различия (вы помните: ромбы, шпалы?) я не знал. Причем прежние знаки различия не делали различий между младшими офицерами, собственно офицерами, которые обер-офицерами назывались до революции, и теми, которые до революции штаб-офицерами назывались. То есть там было три ступени. А ромбы

и шпалы этого не отражали. Потом логики никакой не было: чем шпала лучше кубика или квадрата, чем она роскошнее? А тут все было ясно: звезды маленькие, потом звезды большие, фуражки, все... И первого человека в этой форме я все-таки увидел в Колосовке. Почему-то там появился офицер, видимо, в отпуск приезжал. Никаких гарнизонов там не было. За ним, конечно, мальчишки бежали, было очень странно.

Дальше Сталинградская битва. Я не могу сказать, что мы так за ней следили, но характерно все-таки то, что как только закончилась битва, все поняли, что это решающий поворот в войне и уже заторопились обратно (хотя под оккупацией, сам понимаешь, еще оставалась огромная территория). И поэтому уже стали шевелиться, чтобы обратно вернуться.

Появление коровы и чистка коровника

И вот кончается зима, уже больше солнца, 8 марта. И где-то в моем дневнике написано, что это случилось именно 8 марта, а может быть, я немного спутал с коровой, но моя тетка принесла домой поросенка. Но не живого, а дохлого. Она принесла дохлого поросенка в портфеле. Портфель слегка раздулся от этого. Поросенок был похож, по-моему, на полупрозрачную лепешку, он был сжат с боков, дохлый, прессованный. Но тем не менее это было что-то, мы ели его, что-то вроде студня. И вот, кажется, именно 8 марта (это точно 8 марта) к нам привели корову. 8 марта у нас появилась своя корова, не в собственности конечно — колхоз дал в пользование, выделил. Ее звали Норма. Так что с тех пор я сочинил сказку: жил-был римлянин по имени Талон, и были у него две дочери — Норма и Порция. Но это впоследствии уже, когда я ознакомился с историей и с латинским языком. Корова Норма. Мы, конечно, ее полюбили, и в первый же день она дала нам молока. Как вы думаете, сколько? Пол-литра! Ровно пол-литра. И потом я, конечно, это всегда вспоминал, когда наш учитель Николай Николаевич Баранский... то есть профессор Баранский, учитель — не в смысле «школьный». Он сам сибиряк из Томска, он неоднократно говорил на лекциях, что сибирская корова дает меньше молока, чем сибирская баба. Так оно и было. Наша корова дала нам в первый день молока пол-литра. Но потом она каждый день прибавляла, каждый день, равномерно, и в день моего рождения, 29 мая, как раз когда мы расстались с нашей коровой и уехали из деревни, она дала ровно пять литров. Пища наша улучшилась, в том смысле, что мы это молоко с черным хлебом ели. А именно: мы в тарелку наливали молоко и туда крошили черного хлеба. Это не так уж плохо. Я думаю, что я и сейчас не отказался бы такое поесть, черный хлеб в молоке. Но я бы сейчас все-таки сливки бы налил, молока бы я не стал наливать. А если сливки, то это я даже и сегодня могу сделать и вас угостить. Так вот мы стали питаться, у нас появилось как бы свое молоко. Но доить-то корову кто должен? Дело в том, что моя тетка Марфа, зоотехник, она коровы боялась. Она не могла к ней прикоснуться, она доить корову не умела. Пришлось моей матери доить. Моя мама тоже ведь не совсем сельский житель. Она мещанка, так сказать, по старинному сословию, дочь железнодорожника, она жила в городе. И в детстве она как хорошенькая девушка себя никакой работой не утруждала. Ее в семье ничего не заставляли делать. В детстве она порхала, как мотылек. Но тут, понимаешь, пришлось моей матери корову эту доить. Вот и результат был, было молоко. Но тем временем, значит, коровник-то ведь наполнялся, и надо было его чистить. А кто это будет делать? Решила мама, что кого-то надо нанять. Ну как нанять, чем платить? Наверное, едой, потому что есть люди более бедные и голодные, чем мы, они, значит, могут на нас работать. И вот я рекомендовал, что наш коровник вычистит старик по фамилии Бахтухтин. Пригласили этого старика... Ну я не знаю, мы в детстве могли ведь стариком считать человека чуть старше пятидесяти. Я не знаю, сколько на самом деле ему было лет. Для меня это был дедушка, старик, у него была борода. А он вообще был скромненький, ни на что не жаловался, но был очень голоден. По-моему, он умирал с голоду, вот такое было впечатление. Поэтому когда он пришел к нам, прежде всего его надо было накормить. Ему дали поесть хороших щей с хлебом. И эти щи его так разморили, что у него впервые за много дней заработал желудок, и он пошел в наш нужник, или туалет, и там и провел остаток дня. Чистить коровник ему в этот раз не удалось. Но моя мама решила, что она его пригласит в следующий раз. И вот прошла неделя или две, мама решила пригласить старика Бахтухтина чистить наш коровник, а нам сказали, что старик Бахтухтин умер...

Возвращение в Омск. Новые соседи

Тем временем уже, значит, растаял снег, началась весна. Весна в Сибири очень быстрая, как в странах с континентальным климатом, снег быстро растаял. Солнышко светит. И вдруг, несколько дней прошло, бам — страшный буран, опять налетает снег, и этот снег опять толстым слоем, но уже лежит только два дня, потом тает. Ну уж когда этот второй снег растаял, началась весна. Я очень любил лес, я с нетерпением ждал, когда же я увижу лес, когда на нем листья распустятся. В то же время сокрушался, что хвойных деревьев нет и это не те леса, к которым я привык в Подмоскovie. И болото, там же мокро сразу становится, это как бы сплошное болото. Земля оттаяла, ходить по лесу, строго говоря, без сапог резиновых нельзя. Но я очень любил лес, и мне хотелось своей маме его показать, чтобы моя мама увидела этот лес и полюбила его. Она не хотела туда идти, это было неинтересно. Наконец я с огромным трудом свою маму вытащил и повел в лес. Она там зафыркала, сказала: «Ой, не могу! Что это за гадость?!» А вокруг комары на нее напали, козявки какие-то зеленые, кузнечики прыгают. Она оттуда убежала. В общем, мы с этим лесом не соприкасались. Тем временем началась весна, а тетя Марфа уже схлопотала пропуск, чтобы покинуть деревню и возвращаться в Москву. И нам выдало местное отделение милиции пропуск, по которому можно было ехать. И мы поехали как раз не позже 1 июня, видимо, в день моего рождения, 29 мая, мы отдали корову колхозу, сели на машину и на этот раз без приключений доехали быстро до города Тара. По дороге я, правда, помню такую сцену: купающиеся подростки, мальчики и девочки. Купаются голыми, потому что в деревне не было никаких купальников. Пятнадцать лет всем. Они вылезут из воды, срамное место горстью прикроют и в кусты бегут одеваться.

Город Тара на этот раз промелькнул быстро и запомнился мне только одним: когда мы проходили через санпропускник. Знаешь, что это такое?

Ю.С.: По литературе.

Б.Р.: Санпропускник — это баня с отделением, где дезинфицируется одежда. Не знаю, как остальные вещи, не могу сказать.

” **Нельзя было сесть на поезд дальнего следования, на пароход, не пройдя санпропускник. Надо сначала было его пройти, справку получить.**

Я не знаю, где в это время находились наши вещи, там ведь и книги у нас, чемоданы. Не знаю, проходили ли они дезинфекцию. Но одежда вся снималась, мы все догола, естественно, все четверо вместе. Проходим через санпропускник, там обычная баня. Одежда наша прожаривается. В энциклопедии это все описано: вошки-блошки уничтожаются. После этого мы садимся на пароход, о котором у меня никаких зрительных впечатлений из-за отсутствия новизны не осталось, и прибываем в город Омск. В Омске у нас никакого жилья нет. Прибываем в Омск и тут же, как только мы предъявили документы, у нас МВД их отобрало. Сказали, что они недействительны, мало ли что там у вас в районе выписали. У нас тут область. Короче говоря, не выпускают нас из Омской области, пропуска отобрали. Куда хочешь, туда и девайся. Опять же моя тетка Марфа, видимо, устроилась на работу в свой родной наркомат, она же продолжала быть служащей. А нам-то с мамой куда деваться? Мы же иждивенцы. Мы жили на шее тети. А где нам ночевать? И опять, значит, с этим проблемы вроде бы не было. В части города Омска, которую сейчас уже можно назвать вполне центральной, где среди деревянных односемейных домов было немало домов двух-трехэтажных с коммунальными квартирами, нашелся такой дом, мрачный с виду, двух-трехэтажный, наверное. Я никогда не был на втором этаже. Рядом был брандмауэр (это такая стена от пожаров), и в комнатах, в которых мы жили, никогда не видели солнечного света. Но мы там временно оказались. И там жила еврейская семья с очаровательной фамилией Ивановы. Кто они были нам? Катя, глава этой семьи, была другом тетки Марфы по какому-то там заведению, или по наркомату, или по сельскохозяйственной академии. Этого было достаточно, и мы туда вселились. Там и без нас было полно людей. Сначала кухня с одним окошком, но перед окном, через метр, стена-брандмауэр высокая.

Дальше идет комната довольно приличная, но опять же большое окно, а перед ним стена. Солнце никогда не возникает. Еще одна, третья комната, светлая, там много окон, но она маленькая. И там жил белорус по фамилии Краузе со своей женой. Он за свою фамилию поплатился, сочли, что он немец, но зато и в армию не взяли, и он оказался в Сибири. А у белорусов был такой обычай: свои фамилии, которые они считали некрасивыми, которых они стеснялись, переделывать на европейский лад. Например, Гастыло стал Гастелло (такой летчик был). Ну и так далее. Потом удвоенные «л» делали, Войшвилло, и так далее. Может быть, был просто Войшвыло, но это неблагозвучно. Удваивали какую-нибудь букву на итальянский лад.

И вот этот несчастный мужчина страдал от чирьев, у него был фурункулез. У него на теле были гигантские фурункулы и карбункулы. Карбункулы — это такие многоголовые чирьи, там несколько дырок, и из них гной течет. Мы все это видели, это его несчастное тело. При нем была жена. Надо сказать, что и у меня весь этот период тоже были чирьи на теле. Я об этом как-то не упоминал, но у меня чирьи были приличные, и они были всегда в единственном числе. Как только кончался один чирей, начинался другой. Один еще только-только прорвет, как уже начинается второй. Но пока первого чирья не прорвало, второй не начинает расти. Карбункулов у меня не было. Но, кажется, у меня однажды была под мышкой разновидность чирья, которая называется «сучье вымя». Это разновидность карбункула, такой гнойник под мышкой. Вот что дала мне война. Она дала мне чирьи. В дальнейшем они у меня бывали, и в Москве бывали, а иногда нет. Последняя волна чирьев у меня была довольно поздно: в 1974 году, а уже с тех пор не было.

И вот эта семья Ивановых. Там были дети: мальчик и девочка. Мальчик семи лет и девочка девяти лет. Девочка девяти лет — Люда. И об этих детях нам сплетни передали, что эти дети нехорошие, что они между собой кое-чем занимаются, причем я об этом узнал от своей мамы, которая это узнала у соседей. Нам заранее насплетничали. Ну, это можно понять: дети целый день беспризорные, мать на работе, мать ходила, видимо, в Наркомат земледелия работать. Спали мы на полу. Мы же просто вселились к людям в ту же комнату. Эта Катя, ее двое детей, мы туда же, все на полу, там и спим, все нормально. Кухня рядом. Так вот, такая жизнь была. Вот я утром проснулся. Люда просыпается, ей говорят: «Люда, познакомься, вот новый мальчик». Она говорит: «Какой же это мальчик? Он маленький». Тут я встал, вытянулся во весь рост, тогда она посмотрела на меня с восхищением. Тут я приклеился к этой Люде, но мне мешал ее брат.

Я не надоел уже вам на сегодня?

Ю.С.: Нет-нет, идет все. Я просто смотрю.

Б.Р.: Значит так. Ее брат Толик вел себя как бешеный щенок. Он защищал свою сестру, не давал мне к ней прикасаться, поэтому в его присутствии мне невозможно было общаться с Людой. Но ведь он ребенок, он бегал во двор. Когда он уходил, мои отношения с Людой становились достаточно теплыми. Ну, я ее целовал, на кровать валил. Она даже говорила: «Вот, Александра Михайловна, смотрите, как Боря меня любит». В общем, все так чудесно у нас было, но когда возвращался Толик, она отходила в сторону и соблюдала нейтралитет, а Толик на меня нападал. А так как семья эта все же была еврейская, и они, конечно, как и все, страдали от антисемитизма, Толик принял такую оборонную стратегию: он сам всех называл жидами. Понимаешь? И в разгар драк (а мы дрались вениками) этот мальчишка кричал: «Жида! Хаимы!» Вот такая интересная деталь.

А моя мама поступила в артель инвалидов. Мама моя не была инвалидом, но артель такая была. Там пекли пряники, делали морс и квас. Сейчас морс у нас очень даже дорогой напиток, дороже грейпфрутового сока. А тогда морс и квас были два обычных напитка. Еще газированная вода с сиропом. Вот, и пряники. И там это делали, и зарплату платили этим.

Моей маме в качестве зарплаты десять литров кваса полагалось, десять литров морса и пряников мешочек, ну еще что-то. Дело в том, что деньги как таковые тогда роли не играли.

Видимо, каких-то денег хватало, чтобы выкупить паек. Паек к тому времени был таким. Хлеба иждивенцам полагалось... Хлебные нормы были такими: самое большое количество хлеба у нас получали шахтеры, сталевары. Огромное количество хлеба, чуть ли не до килограмма в день. Наверное, они делились со своими иждивенцами, но и их иждивенцы тоже больше получали. Ну, пайков было много самых разнообразных. А мы как иждивенцы получали хлеба в начале войны, может быть, только в начале — полкило, потом скорее четыреста пятьдесят грамм, а к концу войны мы уже, кажется, получали триста пятьдесят грамм. Так что хлеба мы там получали грамм четыреста в день. Конечно, на карточке были еще какие-то продукты: растительное масло, соль, сахар, спички, мыло, но не более того. И вот я этими продуктами тоже пытался соблазнить Люду, то есть купить ее этим морсом, чтобы она отдалась мне за какое-то количество морса. Но Люда пожаловалась моей маме. Моя мама сказала, чтобы я к Люде не приставал, потому что она пожалуется отцу моему. А отец мой был в Москве, но он уже был на горизонте где-то. Ну, в общем, меня оторвали от Люды и отправили в пионерский лагерь, первый в моей жизни пионерский лагерь.

Пионерский лагерь. Лето в Омске

Пионерский лагерь находился к югу от города Омска, в семи километрах от железнодорожного вокзала, и до вокзала было от нас семь километров, итого четырнадцать километров. Первые семь километров от дома до железнодорожного вокзала я со своей мамой проехал на трамвае. При мне была котомка, что-то типа рюкзака, лямки были, видимо, на спине. Котомка, так сказать. Там были сложены какие-то вещи. На ногах у меня, по-моему, никакой обуви не было... А нет, может, была, я не помню. Я знаю, что очень многие дети были босиком. Огромное количество детей (ну, может, не огромное, человек сто — сто пятьдесят) собрали у вокзала. Я не помню, видимо, я там распрощался с мамой. Без родителей мы пошли пешком колонной. Вот мы идем пешком по грунтовой дороге пыльной. Идем семь километров. Место это находится к югу от Омска, я посетил его тридцать лет спустя. Ничего особенного там не видел. Там хорошие леса, сосновые. Сосна и береза. Хорошее место для пионерлагеря: песок, сосна и береза. Но лагерь окружен колючей проволокой. Мне как-то это не понравилось. Деревянные спальни, очень хорошие, удобные. Окна закрыты плотными сетками. Не марля, а сетка. Как ты думаешь, от чего? От летучих мышей. Там было чудовищное количество летучих мышей, и они залетали в комнату. Ну, о них говорили сказки, что они вампиры, кровь сосут. В общем, это было замечательно, я их видел, дохлых особенно. Ребята мучили этих мышей, таскали их за собой. В спальне я был, конечно, последним. Я подвергался там не то чтобы издевательствам (я ничего такого плохого не помню), но чему-то в этом роде. В лагере еще был один еврей, над которым весь лагерь издевался, так что там был последний человек, над которым издевались все, но я был близок к этой роли. Я сейчас уже не помню, как мы в столовой питались. Я там выдержал только четыре дня. Потому что свобода... И вот я в один прекрасный день — это было скорее после обеда — в чем был, а именно в одних трусах... Никакой обуви на мне не было. Я не знаю, брал ли я с собой туда какую-то обувь, может быть, какие-то сандалии брал. Но я помню, что я был босиком, это точно — босиком, в одних трусах. Тогда это никого не удивляло, если мальчик в одних трусах босиком по городу идет. Абсолютно никого не удивляло. В Москве можно было года до 1944-го так ходить. Мне тогда двенадцать лет уже стукнуло, дело было летом. И вот я пошел, побежал домой. Это мой первый в жизни такой большой поход — четырнадцать километров. Босиком, очень быстрым шагом. Семь километров до железнодорожного вокзала, а дальше можно было сесть на трамвай, но у меня же денег нет, кто меня впустит в трамвай, так что я так же семь километров бежал мимо какого-то сада, мимо парка, где музыка играла в таком лирическом настроении, по центру города, по асфальту. Прибежал к маме, кинулся в объятия, и, по-моему, это был последний в моей жизни такой

момент, когда я у своей мамы искал защиты как ребенок. Она меня не поняла. Она, конечно, сразу на меня накинулась, но она была права. Ну что же такое, я же на целый месяц избавлял... то есть нет, на три недели избавил бы ее от необходимости меня кормить, а тут опять проблема, чем меня кормить. Мама меня стала уговаривать, что мы пойдем, сейчас я тебя отведу обратно. И пришлось мне с мамой весь этот путь обратно проделать. И маме моей пришлось идти пешком семь километров от вокзала до лагеря. Но я отказался на территорию лагеря входить. Мама моя разговаривала с дирекцией, с администрацией, там ее уговаривали, через маму мне передавали разные заверения, что меня здесь никто не будет обижать, что все здесь хорошие товарищи, но я наотрез отказался. Больше я в это лето с пионерлагерем дел не имел.

Дальше уже конец лета. Это была территория очень смешанной застройки: там были дома капитальные с коммунальными квартирами и односемейные с приусадебными участками. Все это страшно намешано. Этакая западная часть от центра города. Рядом река Иртыш, на ней всякие склады и горы соли обыкновенной пищевой, которая под открытым небом лежит. И там я в последний раз купался в Иртыше в совершенно голом виде, на правах ребенка. Ну, может быть, мне нравилось дразнить девочек, которые были вокруг.

И вот там моим дружкой на время стал некий Юра Лященко, 1931 года [рождения] или 1930-го. Он был сын военнотружущего.

” Мы, естественно, с ним обсуждали вопрос о девочках, потому что девочки — это то, что всегда интересует мальчиков в подростковом возрасте, и вы мне не говорите, что их может интересовать что-то больше, я в это никогда не поверю.

Он немножко отличался от меня своими взглядами, он говорил, что его девочки уже пытались соблазнить два или три раза, но он на это не поддавался. Не поддавался, потому что был очень нравственный мальчик. Я бы на его месте, конечно, поддавался. Первый раз одна юная пионерка лет тринадцати заманила его к себе в постель, стала перед ним раздеваться и все ему объяснять, а ему тогда было лет семь или восемь. Но он отказался и на эту девочку пожаловался родителям. А последний случай соблазнения был здесь, в этом же дворе. В этом же дворе жила семья служащих какого-то правительства из тех многочисленных правительств, которые были эвакуированы, республиканских, союзных... И он говорил с восхищением, что у них такой паек и что им однажды торт принесли величиной с противень. И конечно, эта девочка, которая положила глаз на Юру, она его старалась соблазнить этим тортом, и даже повела его однажды в дальний угол двора и стала перед ним раздеваться. Но он отказался этим воспользоваться, потому что он говорил мне: «Подожди, Боря, вот мы станем взрослыми, тогда все это у нас будет, а сейчас мы еще несовершеннолетние и нам нельзя этим заниматься». Он так мне говорил, нравственный мальчик. А я ему говорил: «Юра, когда мы будем взрослыми, мы будем со взрослыми девушками встречаться, а с такими, как сейчас... Это в нашей жизни пора такая, она пройдет навсегда, и никогда мы их больше такими не увидим, какими мы их любим сейчас». Вот так я рассуждал, очень даже правильно.

От Юры я узнал кое-что. Он был сын военнотружущих и был в войсках, которые, как теперь принято говорить, «освободили» Бессарабию. Это было в 1939-м или 1940 году, в результате пакта Риббентропа—Молотова: наши войска вошли в Бессарабию (Румынию), сразу же отхватили, разумеется, с разрешения и благословения Гитлера, который считал, что все равно потом все будет ихнее. И вот когда наши войска туда вошли, местным жителям обменяли деньги, но по какому курсу! У нас тогда что можно было купить за рубль? Ну может быть, коробку спичек или чего-то еще... Хотя, может быть, спички стоили десять копеек, может, я путаю, но за два рубля можно было купить кусок хлеба или батон. А там им обменяли это по такому курсу как золотой рубль, там можно было за пятнадцать рублей советских на рынке купить золотые часы. Его мама, жена командира, по-нынешнему офицера, шла на базар и брала с собой один рубль советский и накупала целую корзину продуктов. И конечно, там у них появилась прислуга за такие-

то деньги. И я понял, как происходит так называемое «освобождение» Западной Украины, Западной Белоруссии и Бессарабии, и как они были ограблены, по сути дела, вот таким способом. Причем они же были изолированы от остального СССР пропускным режимом, без пропуска все равно никто никуда не мог проехать. И хотя эти территории были присоединены к СССР, но вплоть до середины XX века все равно без пропуска никто, в том числе из Москвы, туда приехать не мог.

Скоро мой рассказ кончается, еще минут пятнадцать, десять, и мы уже закончим с Омском, потому что уже приближается время покинуть его навсегда.

И вот этот Юра Лященко научил меня считать по-румынски до скольких угодно, даже я и сейчас могу считать. *(Считает по-румынски.)* Вот так вот я научился от него. Это потом мне пригодилось, когда я посещал Румынию.

Так мы друг друга просвещали. И наконец, у нас на горизонте появилась еще местная девочка по имени Лида, тринадцати лет. Она уже, говорят, встречалась с парнями. Мы во дворе устраивали игры в свалку. Тут главное было, чтобы к девочкам прикасаться, чтобы можно было полежать на девочке, когда я ее валю на землю. Я, конечно, не помню, кто кого на землю валил — я девочек или они меня. Но все равно мне это было приятно. А эта Лида мне очень нравилась, у нее были стройные ноги. Она несла два ведра на коромысле, ведь это не каждый из вас может нести это так свободно, два ведра. Водоснабжение какое там было — из колонки брали воду. Это не значит, что не было водопровода, водопровод был на улице, как во всех городах того уровня. Говорили, что она уже отдается парням и что хулигану Герке она заплатила пять рублей за то, чтобы он ее трахнул, как говорят теперь — тогда этого слова не было. Там очередь выстраивалась у брандмауэра, чтобы с ней встречаться. Вот ходили такие слухи. Я смотрел на нее с некоторым уважением. Вот такая сибирячка, я представлял, какая из нее вырастет плотная баба кустодиевского типа.

И тут еще вопрос возникал, что же нам делать дальше. В августе было даже не ясно, что с нами будет, нас же не пускали в Москву, и мы решили, что, может быть, мы в Москву уже никогда не вернемся. И тогда мы с мамой стали выбирать место жительства, где будем жить, если нас в Москву не вернут. Я, опираясь сугубо на свои географические знания, сказал, что мы поедем в Фергану. Я решил, что там климат для нас самый подходящий, что, собственно говоря, не лишено некоторого смысла, потому что там не так уж плохо: предгорье.

Дальше, кончается лето... Кажется, я был еще и в каком-то детском лагере летнем на базе школы. То есть там была школа, в которую мне предстояло пойти учиться осенью. Там были интеллигентные мальчишки, с которыми я встречался. Я помню одного мальчику, у которого была, кажется, двойная фамилия: Шор и Понер. Я посмотрел в Интернете: фамилия Шор встречается в нашей стране, Понер — нет, ничего такого. Какие-то мне рассказывал интересные истории, в общем, тоже интеллигентный мальчик, который мне запомнился, тоже начитанный. Мы гуляли в основном по паркам: там были какие-то военные игры, но городские парки в центре Омска очень обширные, очень просторные, там хорошо проводить целые дни. Видимо, если мы в школе в качестве летнего лагеря как-то питались, то, наверное, мы в основном по парку гуляли. Я очень много ходил босиком по городу. Меня дразнили «Аршин проглотил» за мою своеобразную фигуру, потому что я ходил, то ли чего-то не сгибая, то ли я руки держал, не махал руками во время ходьбы. В общем, как-то держался я ненормально. А дети, они очень остры на прозвища.

Возвращение в Москву

И вот, значит, наступает 1 октября, хорошая, теплая золотая осень. Учебный год начинался 1 октября, а не 1 сентября во время войны, потому что дети должны работать, помогать родителям, некоторые вообще работали уже. 1 октября, школа, одноэтажное здание деревянное в центре Омска на улице Третьего Интернационала. Мне дети там понравились. Уже я видел девочку, на которую положил глаз, думал, что в нее буду влюбляться. Рыжая девчонка с косой. И французский язык, так интересно! В школах тогда изучали один иностранный язык, большей частью немецкий. Мне попался класс французского

языка, чистая случайность. Вот уже мне выдали учебник французского языка. Первые слова: «la carte», «la date» и еще «Papa fume sa pipe» — папа курит свою трубку. Сейчас бы такое не написали: курение нельзя пропагандировать ни в какой форме. Ну вот, значит, эти все глаголы. Ну какие там глаголы — только настоящего времени, конечно, пока. Мне очень понравился этот учебник, он остался при мне. Но тут приезжает отец. Вырвался он из Москвы и за нами приехал. Я в этой школе был только один раз. На следующий день уже приехал отец, и все. Мне было немного жалко расставаться с этой атмосферой, ведь я уже привык к этой жизни. И вот он нас забрал, и мы едем в Москву. Как это ему удалось, как удалось с пропусками, может, кого-то «подмазали», я не знаю всей этой механики, но, короче говоря, выхлопотал он для нас пропуска. Но пропуск нам дали не в Москву, а в город Дмитров. Но ведь в город Дмитров только через Москву проедешь из Сибири, а по дороге мы должны будем где остановиться? В своей собственной квартире? Так зачем нам из нее дальше выходить, в Дмитров ехать? Вот такая была логика. Так мы поехали в город Дмитров, но не доехали до него, а приехали домой, в свою квартиру. Но это случилось не сразу.

Сначала мы из Омска поехали до Свердловска, который называют теперь (и раньше) Екатеринбург. Поехали в обычном пригородном вагоне, набились. Когда сажали в вагон, был крик и гвалт, в общем, интересно, как по железной дороге возили, были ли билеты, платили ли за это, я не знаю. Может быть, так же, как во время Гражданской войны, бесплатно ездили. Посадка была, конечно, ужасная: все лезли с баулами, с огромным количеством вещей, лезли в узкие двери пригородного вагона, вагон для парового поезда. Тут моя мама закатила истерику, она была притворная, эта истерика. Она кричала чего-то, и я тоже, меня же тоже подначивали. Я тоже бился в истерике, изображал из себя то ли больного, то ли умирающего. Как полагалось, в общем. С таким скандалом, с криком мы в этот вагон все-таки проникли. Там было настолько плотно, что многие стояли. Дети, может, на руках у кого-то спали, но вагон был набит. Еще мой отец там для развлечения публики или для заработка читал повесть Гоголя «Тарас Бульба», работал как тещ. И вот так, через сутки, не больше мы прибыли в Свердловск. В Свердловске мы пробыли четыре дня в ожидании следующего поезда. Погода была хорошая, солнечная. Восприятие города и погода очень многое значат.

” Отец сразу показал мне дом, в котором расстреляли царскую семью. Это было главной достопримечательностью Екатеринбурга, то есть Свердловска тогдашнего. Были эпохи, когда об этом говорили с гордостью, были эпохи, когда об этом говорили полупрошепотом, но все это знали.

Дальше меня поразило то, что когда мы проходили через вокзал, некоторые люди прямо в уборной ночевали на полу. Люди тут же мочились, испражнялись и тут же, рядом ночевали. Ну, им некуда было деваться. Мы на вокзальных лавках прекрасно трое суток ночевали среди множества людей.

Еще мне запомнилось, когда мы шли по городу, как сейчас помню: солнечная погода, улица, продается газированная вода с сиропом. Я попросил, мне налили. Но вкус у этого сиропа был до того странный, что он запомнился мне на всю жизнь! Когда много лет спустя я чертил свои картоиды и взял красную тушь, оказалось, что это была красная тушь. В ней сахар тоже содержится, она использовалась в качестве сиропа.

Потом мы сели в товарный вагон, но уже не двенадцать, как в тот раз, а четыре дня мы ехали в товарном вагоне. Тоже без всякого туалета. С нами ехали какие-то бандиты, которые называли себя партизанами. Они пристали к моему отцу и хотели его даже немного зарезать, но он им что-то объяснил, и они его резать отказались. Вот такие детали. Мочиться можно было на ходу из вагона, а ходить по-большому никак нельзя. Так четыре дня я и не ходил. Поэтому когда пришел в свою квартиру я, прежде чем войти в комнату, пошел в то, что сейчас называется туалетом. Это было 9 октября 1943 года.

Вопросы если есть какие, я отвечу с удовольствием.

Ю.С.: С вокзала до Москвы быстро добрались, Москва изменилась как-то? Было ощущение, что Москва изменилась?

Б.Р.: Никаких воспоминаний не осталось, по-видимому, не было. Добирались не на извозчике, извозчиков уже не было. Никак не могу сказать, но не на такси. А на чем же тогда? Я что-то не помню. Вещи же мы на чем-то везли. Не исключено, что мы на трамвай погрузились. Дело в том, что был трамвай «Б». Сейчас, когда у нас пытаются изобразить старый трамвай для какой-нибудь киносъемки, они же не понимают, какие раньше были вагоны, меня это возмущает, когда на Бульварное кольцо тащат четырехосные вагоны, где двенадцать окон с каждой стороны. Никогда по Бульварному кольцу такие вагоны не ходили. По Бульварному кольцу ходили вагоны с прицепом, и в моторном вагоне, и в прицепном было по восемь окон с каждой стороны. А вагоны четырехосные, с двенадцатью окнами с каждого бока, ходили по маршруту «Б», иначе он назывался неофициально «вокзальный»: он обходил все вокзалы. Там была задняя площадка, можно было не только чемоданы везти, но даже целую козу или свинью можно было запихнуть, потому что там очень было много места для багажа. И от Казанского вокзала до нашей 1-й Мещанской — остановка была в трехстах метрах от нашего дома — мы могли прекрасно доехать на трамвае «Б», остановок шесть-семь всего по Безбожному переулку, и все эти вещи перевезти. Можно было через всю Москву провести огромное количество багажа на трамвае.

Ю.С.: А тетушка ваша где-то осталась или вместе с вами вернулась?

Б.Р.: Тоже хороший вопрос, где же тетушка осталась? Дело в том, что моя мама ухитрилась с ней перессориться, и последние месяцы, недели, когда была эта Люда и семья Ивановых, я свою тетку уже не помню: она со своим сыном Юрой от нас отвалилась. Мы с ней расстались: моя мама с ней перессорилась. Но не значит, что навеки, потом опять, в Москве, сошлись.

Ю.С.: То есть она в Москву вернулась не вместе с вами?

Б.Р.: Нет, немного позже нас, но, думаю, не позже конца 1943 года. А что касается этой девочки Люды: я ее видел два года спустя в Москве мельком в туберкулезном диспансере. Я всю жизнь как ребенок, предрасположенный к туберкулезу (а тогда все дети были под диспансеризацией), почти всю жизнь, лет до сорока, мне приходили эти бумажки, чтобы я явился в диспансер на флюорографию. Сейчас уже на все плюнули, сейчас этого нет. Я приходил, я всю жизнь был предрасположен к туберкулезу, но никогда у меня туберкулеза не нашли. И вот там я встретил эту Катю со своими детьми. Люду эту я мельком увидел: боже ты мой, это была уже почти тетка, ей уже было, может быть, тринадцать лет — совершенно неузнаваема! Но она же крупная была...

Ю.С.: Значит, вы в Москву вернулись и пошли в пятый класс, а я-то думал, что мы сегодня дойдем до десятого класса. Ну, значит в следующий раз.

Б.Р.: Обещаю, что дойдем, потому что там меньше впечатлений.